

Л.С. Выготский: перечитывая заново. Часть 1

Н.Н. Нечаев

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnnechaev@gmail.com

Статья посвящена раннему периоду научного творчества Л.С. Выготского, предшествовавшему времени, когда были сформулированы принципы культурно-исторической теории. В качестве ключевого момента подробно рассматривается его доклад на Втором Психоневрологическом съезде в 1924 г. и ряд «примыкающих» к нему работ, включая и рукопись работы «Исторический смысл психологического кризиса». Сопоставление подхода Л.С. Выготского к учению И.П. Павлова, рефлексологии В.М. Бехтерева, реактологии Н.И. Корнилова, с одной стороны, и психологии — с другой, показывает, что Выготский исходит из необходимости коренной перестройки психологической науки на «объективных» основаниях. Это, по его мнению, предполагает ее поворот к высшим формам поведения, но, по сути, — к совместной деятельности человека. В этих методологических изменениях позиции Выготского видится связь его ранних работ с теоретическими разработками П.Я. Гальперина о предмете и методе психологии.

Ключевые слова: объективное исследование, рефлексология, психологический эксперимент, опрос и инструкция, психические явления, объект и предмет исследования.

Для цитаты: Нечаев Н.Н. Л.С. Выготский: перечитывая заново. Часть 1 // Культурно-историческая психология. 2024. Том 20. № 3. С. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200302>

L.S. Vygotsky: Reading Anew. Part 1

Nikolay N. Nechaev

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnnechaev@gmail.com

The article dwells on the earlier period of Vygotsky's works before the time when the principles of the Cultural Historic Theory were formulated. His report on the 2nd Psycho-Neurologic Congress in 1924 as well as some adjacent works including "The historical sense of psychological crisis" are considered by the author as key moments. If to compare Vygotsky's approach with I.P. Pavlov's theory of conditioned reflex, V.M. Bechterev's reflexology and K.N. Kornilov's reactology, from one side, and psychology, from the other, it reveals Vygotsky's determination to restructure psychology on the objective basis. In his opinion this implies the turn of psychology to higher forms of human's behavior, actually, to human activity. In these methodological changes of Vygotsky's views one can trace certain relations of Vygotsky's early works with P.Ya. Galperin's theoretical survey on subject and method of psychology.

Keywords: objective research, reflexology, psychological experiment, interrogation and instructions, psychic phenomena, object and subject of survey.

For citation: Nechaev N.N. L.S. Vygotsky: Reading Anew. Part 1. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2024. Vol. 20, no. 3, pp. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200302>

«Суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; ... голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию!»

Г.В.Ф. Гегель. Феноменология духа.

<https://www.livelib.ru/quote/434926-fenomenologiya-duha-g-v-f-gegel>

Отмечаемые в 2024 г. даты жизни и творчества Л.С. Выготского (100-летие с начала работы Выготского в Московском институте экспериментальной психологии и 90-летие безвременной кончины этого выдающегося ученого в 1934 г.) — повод не только расширить наши представления о его вкладе в развитие отечественной психологии, но и возможность углубить наше понимание ключевых проблем, характерных для современного состояния отечественной психологии, и тех тенденций развития ее направлений, разработка которых непосредственно связана с идеями Выготского, его сотрудников и последователей, как в нашей стране, так и за рубежом.

Говорить о точной дате начала научного творчества Л.С. Выготского в области психологии — дело непростое, в этом случае можно принимать во внимание различные моменты его биографии. Так, еще будучи студентом Императорского Московского университета, изучавшим юриспруденцию, он одновременно прослушал ряд психологических курсов в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского, в том числе и лекции П.П. Блонского и Г.Г. Шпета. О многообразии интересов Л.С. Выготского наглядно свидетельствуют материалы его «Записных книжек», собранные и частично проанализированные Е. Завершневой и Ван дер Веером, изданные в 2017 г. [7].

Представляется, что любая годовщина, связанная с именем Л.С. Выготского, является поводом остановиться и еще раз задуматься о значимости вклада этого выдающегося ученого в развитие психологии в целом и в ту конкретную сферу деятельности в психологии, в которой ты работаешь как специалист.

В силу обстоятельности я многие годы занимался проблемами психологии и педагогики высшего образования. Будучи одним из ближайших учеников П.Я. Гальперина, в своих исследованиях я показывал, что в системе высшего образования мы, по сути, должны создавать условия для развития тех новообразований, которые в виде определенных склонностей и способностей выступают предпосылками для успешной реализации стратегий их развития в вузе. Об этом, в частности, я говорил в 1996 г. на Юбилейной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Выготского, где выступал с докладом «Культурно-исторический подход в становлении теории высшего образования» [16, с. 338–343], в котором показал, что мы можем понять психологические новообразования, возникающие у ребенка, только через призму развитых форм деятельности. Я опирался при этом на известную мысль К. Маркса, суть которой в том, что намеки на высшее, возникающие на более низких ступенях развития изучаемого нами

процесса, могут быть разумно поняты, только тогда, когда само высшее уже известно [14, т. 46, с. 32].

Актуальность данной мысли К. Маркса проявилась вновь по прошествии почти трех десятков лет, когда я перечитывал один из ключевых докладов П.Я. Гальперина, который он сделал 05.12.1969 г. в рамках так называемой «домашней дискуссии» на квартире А.Р. Лурия [6, с. 435–447]. В этом докладе Гальперин рассматривал ряд идей Л.С. Выготского как основу развития концепции поэтапного формирования умственных действий и понятий. Именно после этого я обратился к работам Л.С. Выготского раннего периода его творчества. Речь идет, прежде всего, о докладе, с которым Выготский выступил на 2-м Всероссийском психоневрологическом съезде в январе 1924 г., опубликованном позднее в виде статьи в 1926 г. в сборнике [8, с. 26–46]. Доклад назывался «Методика рефлексологического и психологического исследования». Яркий и содержательный доклад был замечен присутствовавшим на съезде А.Р. Лурия, которого мы все знаем как выдающегося психолога, основателя отечественной нейропсихологии, ставшего соратником и соавтором Выготского. В результате, как известно, Выготский был приглашен на работу в Москву, в Московский институт экспериментальной психологии, благодаря чему и появилась публикация этого доклада.

Я часто перечитываю работы классиков, прежде всего нашей психологической науки, и, сопоставляя их мысли о роли и задачах психологии с потоком сугубо эмпирических исследований, систематически публикуемых даже в серьезных профессиональных изданиях, отражающих состояние нашей науки, с сожалением констатирую, что сейчас совсем не время самоуспокоения. Во многих отношениях психология пребывает не в лучшем состоянии, по многим направлениям откатываясь, по сути, в прошлый, а порой и в позапрошлый век. Психоанализ, гештальт-терапия, «понимающее» слушание — это что-то новое или на время забытое старое? Как с грустью отмечал в свое время А.Н. Леонтьев, говоря об исследованиях в русле теории деятельности, «... слова “деятельностный подход” и прочие слова о деятельности последнее время мне приходится встречать огорчительно часто и много и не всегда в значении, достаточно очерченном, определенном, где-то локализуемом в очень широком пространстве знаний, круге понятий. Они поэтому теряют свою определенность, которую они еще не теряли 15 и 20, может быть, лет тому назад, когда эти две или три позиции были очерчены; понятно, о чем можно было дискутировать, что надо было разрабатывать, а теперь — непонятно. Я теперь, когда вижу фразу “и с точки зрения деятельностного подхода”, скажу вам откровенно: меня это беспокоит» [12, с. 118].

В этой связи конкретная цель данной статьи — обратить внимание читателя не на «профильные» работы Выготского в области созданной им культурно-исторической теории психологического развития, в целом хорошо известные и составляющие корпус фундаментальных основ не только отечественной психологии. В свете актуальной психологической и педагогической проблематики, связанной с происходящим в мире коренным реформированием основ системы образования, еще базирующейся на многовековых традициях «передачи» опыта прошлого новому поколению, они также требуют нового прочтения. Но мне стали интересны те работы, которые непосредственно связаны с началом московского периода научного творчества Л.С. Выготского, — они позволили ему за короткое время стать основателем так называемой «неклассической» психологии [21], открывшей для многих исследователей — как у нас в стране, так и за рубежом — новые горизонты развития всей системы психологического знания.

Конечно, научная школа Выготского, связанной с которой считали и считают себя многие психологи разных поколений, в силу как исторических, так и личностных причин, никогда не была неким монолитом. Как писал Л.С. Выготский в одной из записных книжек, «...почему ставится вопрос о единстве работы. Потому что каждый сделал свой шаг самостоятельно, отправляясь от общих исходных позиций. Но куда он поставил ногу?» [7, с. 297]. Можно предположить, что здесь Л.С. Выготский имеет в виду отход А.Н. Леонтьева как своего ближайшего сотрудника от общей линии исследований роли знакового опосредования в системном строении сознания. Вот что сам А.Н. Леонтьев в 1976 г. отмечал в своих воспоминаниях о совместной работе с Л.С. Выготским в 30-е гг.: «Другая альтернатива состояла в том, чтобы вернуться к практическим действиям. По линии этой второй альтернативы и возник еще один как бы побочный, параллельный, что ли, цикл исследований, который **возвращал концепцию в целом к идее порождения и развития сознания в практических действиях** (выделено мной. — Н.Н.)» [12, с. 115].

Понять принципиальные различия научных позиций участников круга Л.С. Выготского мне помогла работа над этапными для меня самого статьями. Первая из них была посвящена сопоставлению взглядов А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина [15], вторая — анализу позиций Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева [17]. Моя цель заключалась в том, чтобы не только выявить идейные основания определенного расхождения их взглядов, возникшего в ходе их совместной работы, но и те реальные возможности реинтеграции их позиций, которые открываются в свете уточнения методологических закономерностей развития современного психологического знания, разработка которых была осуществлена П.Я. Гальпериним в рамках теории поэтапного формирования умственных действий и понятий.

В данной статье, при рассмотрении взглядов Выготского, особенно характерных для исследуемого мной этапа развития его методологических позиций,

я постараюсь показать, что Л.С. Выготский не только постоянно возвращался к необходимости решения проблемы предмета психологического исследования, но и даже (рискну предположить) к решению вопроса о самом наличии «психики» — как некоего свойства объективной действительности, существующего независимо от нашего сознания, но выступающего для нас в виде так называемых «психических явлений», — вопроса, к решению которого П.Я. Гальперин не только систематически обращался, но и предложил его определенное решение, правда, теоретически не осознавая значения этого шага для перестройки всей понятийной системы неклассической психологии.

1

Как известно, московскому периоду научной деятельности Л.С. Выготского предшествовал гомельский период его активного творчества в сфере психологии, включавший работу над книгой «Психология искусства», учебником «Педагогическая психология», проведение целого ряда экспериментальных исследований в области памяти, в которых он фактически создал авторский вариант методики «двойной стимуляции» и «знакового опосредствования» (возможно, еще не осознавая их методологического потенциала, который выступит для него лишь позже). Результаты этих экспериментальных исследований и были заявлены им в виде трех докладов на 2-м Всероссийском психоневрологическом съезде, с одним из которых он выступил 6 января 1924 г. (Доклад был опубликован позднее в виде статьи «Методика рефлексологического и психологического исследования» в сборнике трудов института экспериментальной психологии в 1926 г. [8, с. 26–46]) и воспроизведен в 1982 г. в 1-м томе собрания сочинений Л.С. Выготского [4, с. 43–62].

Известно, что доклад, сделанный Выготским на этом съезде произвел настолько сильное впечатление на присутствовавшего там А.Р. Лурию, в то время сотрудника Московского института экспериментальной психологии, одновременно исполнявшего обязанности ученого секретаря института, что он доложил директору института К.Н. Корнилову о молодом гомельском психологе, который, по его мнению, должен стать сотрудником института, после чего Выготский и был приглашен К.Н. Корниловым на работу в этот институт, правда, в качестве научного сотрудника лишь 2-й категории.

Идеи Выготского, представленные в этом докладе, действительно были созвучны реактологии — тому направлению исследований, которое сам Корнилов, став директором института, «укоренял» в деятельности института после увольнения его бывшего директора Г.И. Челпанова по идеологическим основаниям.

На какой-то период «реактологический» подход К.Н. Корнилова к проблемам психологии показался Выготскому, уже сложившемуся психологу, обладающему фундаментальной теоретико-методологической подготовкой и широким научным кругозором

в различных областях гуманитарного знания, пониманием тенденций развития не только психологии, но и искусства, литературы, лингвистики, свободно владеющим несколькими европейскими языками, перспективным направлением развития психологии. Обладая возможностями методолога, теоретика и экспериментатора, ориентируясь в других современных ему направлениях развития психологии за рубежом (зоопсихологии, психоанализа, бихевиоризма и гештальт-психологии), Выготский стремится выявить и методологический, и, по возможности, экспериментально-методический потенциал реактологии в решении основной для него проблемы — определении направлений и методов психологического исследования сознания. Судя по опубликованным в этот период работам Л.С. Выготского, [4, т. 1, с. 78–98], [4, т. 1, с. 132–148], [8, с. 26–46], он активно использует аргументацию К.Н. Корнилова для раскрытия содержания своего подхода.

Очевидно, что в этот период научного творчества реактология представлялась Л.С. Выготскому и актуальным, и важным этапом в развитии психологии как науки — определенным, и, в целом, позитивным движением вперед в познании субъективного мира человека, преодолевающим «объективизм» учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности и рефлексологии В.М. Бехтерева и «субъективизм» традиционной эмпирической психологии сознания, развивавшейся Г.И. Челпановым. Но в это же время Л.С. Выготский уже активно работает над рукописью работы «Исторический смысл психологического кризиса», была написана им в 1927–1928 гг. В ней содержатся серьезные критические замечания в адрес целого ряда направлений психологии, в том числе и в адрес реактологического подхода в целом, и в адрес К.Н. Корнилова в частности [4, т. 1, с. 291–436].

Совершенно очевидно, что в этом плане весьма показательной для Л.С. Выготского стала статья Корнилова «Наивный и диалектический материализм в отношении к науке о поведении человека», открывавшая второй сборник работ института [8, с. 7–18], изданный в 1926 г. в котором в разделе «Общие и теоретические статьи» была также представлена и ставшая знаменитой статья Выготского «Методика рефлексологического и психологического исследования», подготовленная им по материалам теоретических и экспериментальных исследований гомельского периода его научной деятельности и январского выступления на самом психоневрологическом съезде 1924 г.

Судя по названию своей статьи, К.Н. Корнилов претендовал в ней на роль методолога и теоретика нового направления в развитии психологии как науки о реакциях. В этой статье защищается точка зрения (по сути, глубоко эклектическая), состоящая в том, что психика, конечно же, отлична от материи, хотя при этом составляет ее особое свойство. Вот один из основных тезисов этой статьи: «Диалектический материализм полагает, что бытие не отражается в сознании так же, как вещи в зеркале, что эти отражения имеют субъективный характер, обусловливаемый

строением воспринимающего аппарата; что вещь во все не есть совокупность красного, звучащего, гладкого, пахучего и т. п., как существующего независимо от сознания, но что это красное, звучащее и т. д. существует *только субъективно, только в сознании*, (выделено мной. — Н.Н.) как восприятие предметов, тогда как *объективно вне сознания имеются только колебания эфирных, воздушных волн и т. п.* (выделено мной. — Н.Н.), как предметы восприятия, которые, конечно, не являются тождественными нашим восприятиям предметов» [8, с. 9].

Предметом отдельной статьи мог бы стать анализ текста этой статьи К.Н. Корнилова, выявляющий позицию К.Н. Корнилова, фактически совпадающую в своих основных тезисах с позицией С.Р. Рубинштейна, который уже в своем варианте деятельностного подхода также говорил о единстве, но не тождестве психического и физиологического.

Здесь же мы можем только отметить, что именно этот тезис, но уже в формулировках С.Л. Рубинштейна был в 50-е гг. подвергнут серьезной методологической критике. Как отмечал П.Я. Гальперин на «домашней» дискуссии в декабре 1969 г. [6, с. 435–447], «...есть в марксизме положение: сознание — это продукт мозга и отражение внешнего мира. И Рубинштейн по этому поводу кричал громче всех, и ему по этому поводу чуть не оторвали голову, потому что ему говорили о двойной детерминации» [там же, с. 444]. В этом же докладе П.Я. Гальперин вспомнил и эту позицию К.Н. Корнилова 30-х гг.: «Это только когда-то в простоте душевной К.Н. Корнилов говорил о том, что психическая деятельность есть отражение мозговой деятельности. Его тогда хорошо поправили, потому что я же вижу предметы *через понятия*, но предметы, объекты внешнего мира» [там же].

Поэтому неудивительно, что, исходя из своей, мягко скажем, «своеобразной» по своей «диалектичности» точки зрения, подкрепляемой ссылками на произвольно выбранные им цитаты из текстов философов-материалистов разных эпох и взглядов, включая Лукреция, Гольбаха, Де-Ламетри, Л. Фейербаха, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и даже Н.И. Бухарина, считавшегося в то незабвенное время ведущим теоретиком партии, К.Н. Корнилов писал: «Плеханов выражает так: «Всякое данное психологическое состояние есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление», или, как еще отчетливее формулирует Бухарин, «психика есть интроспективное выражение физиологических процессов» [8, с. 12]. Далее К.Н. Корнилов продолжает: «Что субъективное состояние, как “интроспективное выражение физиологических процессов”, по характеристике Бухарина, *действительно существует* (выделено мной. — Н.Н.), этого, кажется, не отрицает никто: ни представители диалектического материализма, как мы видели выше, ни представители рефлексологии. А раз это так, ясно, что эти субъективные состояния должны быть объектом науки и изучения. <...> но до тех пор, пока имеющиеся субъективные состояния остаются только субъективными, т. е. являются достоянием субъекта, а никак не

выявлены в движении, музыке, слове и т. п., наука не может иметь с ними дела. Только выявленные, обектированные наружу они становятся достоянием науки» [там же, с. 17]

И подобную аргументацию в те годы Л.С. Выготский разделяет, о чем свидетельствуют материалы его статьи «Психика, сознание, бессознательное» [4, т. 1, с. 132–148], в которой он отмечает: «Психику следует рассматривать не как особые процессы, добавочно существующие поверх и помимо мозговых процессов, где-то над или между ними, а как субъективное выражение тех же самых процессов, как особую сторону, особую качественную характеристику высших функций мозга» [там же, с. 137]. Отметим, что фактически Л.С. Выготский в работах этого периода придерживается этой позиции К.Н. Корнилова. Однако нам важно понимание, как в дальнейшем развивалась мысль Л.С. Выготского. Данная статья впервые была опубликована в одном из сборников работ Института в 1930 г., но написана она была гораздо раньше, так как уже в «Историческом смысле психологического кризиса» эта позиция К.Н. Корнилова была рассмотрена критически. Вероятно, Л.С. Выготскому стала очевидной ее методологическая ущербность.

Необходимо отметить, что, к сожалению, при всей примитивности аргументации К.Н. Корнилова о соотношении «психического» и «физиологического», ставшей очевидной для Л.С. Выготского, она до настоящего времени преследует отечественную психологию. Так, многие психологи, не исключая и С.Л. Рубинштейна, и А.Н. Леонтьева, и даже П.Я. Гальперина отдавали дань знаменитому положению, сформулированному В.И. Лениным, что «психика» есть функция мозга» [9, т. 18, с. 84–92]. Понятны идеологические основания приверженности этому тезису отечественных психологов, но С.Л. Рубинштейн с энтузиазмом отстаивал его в своих работах и прямо указывал, что «...психическая деятельность как рефлекторная деятельность мозга — это **осуществляемая мозгом психическая деятельность человека** (выделено мной. — Н.Н.)» [18, с. 7]. «Никак не приходится обособлять и противопоставлять одно другому — отношение психического к мозгу и его отношение к внешнему миру. Этого нельзя делать прежде всего потому, что психическая деятельность — это деятельность мозга, **взаимодействующего (!!! — Н.Н.)** с внешним миром, **отвечающего** на его воздействия (выделено мной — Н.Н.)». [там же, с. 5]. И П.Я. Гальперин, конечно, понимал «внутреннюю» противоречивость этого положения, но лишь в своем знаменитом «Введении в психологию» [5] он попытался преодолеть этот укорененный в нашей философской и психологической литературе «постулат».

Для нас, знающих о том пути, который за неполные 10 лет своей работы в Институте экспериментальной психологии прошел Л.С. Выготский, очевидно, что он не стал бы Выготским, если бы уже в самом начале своего сотрудничества с К.Н. Корниловым отчетливо не увидел все основные методологические пороки реактологии.

«Нужно заметить, — пишет Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса», — что разнородность материала, отрывочность, перемена значения фразы вне контекста, полемический характер большинства высказываний, **верных именно в отрицании ложной мысли**, но пустых и общих в смысле положительного определения задачи, никак не позволяют ждать от этой работы чего-либо большего, чем более или менее случайный ворох цитат и талмудическое их толкование. Но цитаты, расположенные в лучшем порядке, никогда не дадут системы» [4, т. 1, с. 397]. И Л.С. Выготский продолжает свою мысль: «Новая теория принимает вслед за Психановым доктрину психофизического параллелизма и **полную несводимость психического к физическому, видя в этом грубый, вульгарный материализм**. Но как возможна одна наука о двух принципиально, качественно разнородных и несводимых категориях бытия? Как возможно их слияние в целостном акте реакции?» [там же, с. 398]. Далее Л.С. Выготский пытается сформулировать возможные ответы на вопросы, поставленные К.Н. Корниловым: «...мы, — пишет Л.С. Выготский, — имеем два ответа. Корнилов видит между ними функциональное отношение, но этим сразу уничтожается всякая целостность: в функциональном отношении могут стоять две разные величины. **Изучать психологию в понятиях реакции нельзя, ибо внутри реакции заключены два несводимых к единству, функционально зависимых элемента**. Психофизическая проблема этим не решена, но перенесена внутрь каждого элемента и поэтому делает невозможным исследование ни в одном шаге, как она в целом связывала всю психологию. Там было неясно отношение всей области психики ко всей области физиологии, здесь в каждой отдельной реакции запутана та же неразрешимость. Что *методологически* предлагает это решение проблемы? Вместо того чтобы решить ее проблематически (гипотетически) в начале исследования, — решать ее экспериментально, эмпирически в каждом отдельном случае. Но ведь это невозможно. И как возможна одна наука с двумя принципиально различными методами познания, не способами исследования — в интроспекции видит К.Н. Корнилов не технический прием, а единственно адекватный способ познания психического. Ясно, что методологически цельность реакции остается *ria desiderata* (благими намерениями. — Н.Н.), а на деле такое понятие ведет к двум наукам, с двумя методами, изучающими две различные стороны бытия» [там же, с. 398–399].

Невольно нам, знающим о возникновении в 30-е гг. идей деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, в определенной мере опиравшегося на свои ранние проведенные совместно с А.Р. Лурия реактологические работы как определенной альтернативы к позиции Л.С. Выготского, становится ясным возможный источник появления этой оценки Л.С. Выготским подхода К.Н. Корнилова.

Для самого Л.С. Выготского здесь возникает коллизия: Корнилов, ссылаясь на Павлова, писавшего о значимости наших переживаний и невоз-

возможности их исследовать разрабатываемыми им самим «объективными» методами исследования, клеймит его в агностицизме, Выготский же в своих статьях, ссылаясь на эти же слова И.П. Павлова, как на важную характеристику роли переживаний, утверждает, что мы должны найти метод, позволяющий исследовать эти субъективные состояния, не утрачивая их содержания.

Именно этому был посвящен его январский доклад 1924 г. на съезде и статья 1926 г., написанная на его основе [8, с. 26–46]. Л.С. Выготский видит путь в совершенствовании рефлексологической методики, но предлагает включить в нее опрос как жестко построенную методику, направленную на объективное исследование. При этом Выготский не подвергает сомнению высказанную И.П. Павловым точку зрения, а традиционное психологическое исследование критикует за то, что оно фиксируется на интроспективном описании субъективных состояний, не предлагая методики выявления их объективного содержания. Поэтому он завершает свою статью разбором методов опроса с точки зрения не только того, что было позитивного в рефлексологии, но и того, что было накоплено в субъективной эмпирической психологии. Он показывает, что опрос должен очень точно следовать соответствующей инструкции и особенностям каждой конкретной ситуации, что необходимо сопоставлять разные «показания» испытуемых с точки зрения выявления противоречий и т. д., — и это, по его мнению, позволяет выйти на объективное изучение содержания «психической» стороны физиологического процесса.

Зная о пути, который прошел Выготский, мы понимаем, каким образом и почему именно анализ речевой деятельности становится для него источником его научного вдохновения. Причем важно отметить, что это понимание функций речи и речевого общения как ведущего средства регуляции деятельности испытуемого произошло еще до формулирования «основного закона» культурно-исторической психологии — перехода интрапсихического плана поведения в интрапсихический план сознания, в котором он нашел ответ на вопрос о психологических механизмах возникновения высших форм поведения.

Действительно, в своих дальнейших научных изысканиях Выготский сопоставил свои представления о речи как способе выявления содержания результатов интроспекции с характеристиками общения, которые дал П. Жане, исходивший совершенно из других оснований [3, с. 1021], [4, т. 5, с. 197]. Действительно, для французской социологической школы, представителем которой был Жане, было очевидно, что речь в контексте общения направлена прежде всего на усвоение общественных представлений, когда индивидуальные представления рассматриваются лишь как формы «бытия» коллективных представлений.

2

Главный методологический вопрос, значимый для любой науки — это вопрос о предмете иссле-

дования. Применительно к психологии его можно также определить как вопрос о предмете **деятельности** психолога. Эта деятельность может быть теоретической или практико-ориентированной — исследователь всегда исходит из понимания того, что им рассматривается в качестве **предмета психологии**. Принятое членами научного сообщества представление о предмете психологии как науки есть основа для выявления **предмета деятельности** в рамках конкретного исследования.

Но ответ на этот главный вопрос предполагает, во-первых, различие **предмета** и **объекта** исследования. Традиционно считается, что различные науки могут выделять в одном и том же **объекте** разные стороны (аспекты), делая их **предметами** своего исследования. С этой точки зрения разные взгляды на один и тот же объект и создают разные «предметы исследования». Однако с методологической точки зрения эта точка зрения ошибочна. Попробуем разобраться в этом.

Существование человека в объективном мире предполагает его деятельность, направленную на познание и изменение этого мира. Но при этом мы не должны забывать, что любой человек, и в том числе исследователь, с психологической точки зрения всегда имеет дело с «предметным» содержанием, открывающимся в его образе объективной действительности, которое опосредовано и опосредствовано его деятельностью с тем или иным фрагментом объективной действительности, с которым объективно имеет дело субъект этой деятельности [17]. В результате этой орудийно оснащенной деятельности субъекта, направленной на какой-то конкретный фрагмент объективной действительности как на объект его деятельности, объективно несущий «в себе» определенные потребности субъекту свойства, происходит преОБРАЗование того «предмета», который с психологической точки зрения, т. е. с точки зрения субъекта, выступал эмпирическим объектом деятельности. Тем самым данный процесс выявления предмета деятельности как объективный процесс — с методологической точки зрения — выступает как процесс **«опредмечивания»** конкретного фрагмента объективной действительности, но в целом (уже с психологической точки зрения) предстает для него в форме **«перепредмечивания»** эмпирического объекта деятельности.

В небольшом эксперименте, систематически проводимом мной в разных аудиториях в процессе лекции, слушателям демонстрировалось фото, на котором было представлено некое скрытое тканью устройство. Участники эксперимента должны были ответить на вопрос: «Что *это*?» В качестве возможного ответа им одновременно предлагались следующие варианты: рация, фотокамера, настольные часы, планшет, магнитофон, и др. Слушатели высказывали разные гипотезы. Затем ранее скрытый объект открывался и слушатели видели перед собой смартфон, выступавший для них как знакомый предмет, который, однако, — в силу «многофункциональности» данного устройства, — можно рассматривать, используя все указанные в вариантах ответов «предметы».

То есть как некое «нечто», смартфон, рассмотренный уже не как предмет, обеспечивающий телефонную связь, а как объект, обладающий еще целым спектром свойств, позволяет использовать его в качестве и рации, и фотокамеры, и часов, и радиоприемника, и планшета, и т. п. Но если продолжить этот ряд возможного использования данного объекта, то его можно рассматривать и в качестве товара, и ...источника излучения, и даже средства самоутверждения.

Больше того, как некое «нечто» этот объект обладает свойствами, позволяющими использовать его и в качестве меры длины или веса, метательного снаряда, и т. п. Конечно, такое использование «смартфона» не является очевидным.

Но спросим себя: остается ли наш «смартфон» при таком использовании смартфоном? Или мы начинаем догадываться, что в действительности перед нами лишь некий объект, обладающий целым рядом свойств, которые — благодаря нашим способам деятельности — выступают тем или иным «предметом», т. е. объектом, который мы можем использовать тем или иным образом. И быть для него «смартфоном» — значит обладать только теми его характеристиками, которые позволяют ему выступить в этом качестве. Зафиксируем этот «словесный» оборот: мы «видим» мир определенными образами действия с теми или иными объектами, выступающими перед нами в поле наших возможных действий. Напомню, кстати, что в одном из заданий популярного теста Торренса испытуемым предлагается описать возможное использование абстрактных рисунков в качестве фрагментов для создания на их основе конкретных изображений и количество предложенных вариантов свидетельствует о степени креативности испытуемых.

Следовательно, любой **объект**, выступающий перед нами каким-то конкретным «предметом», т. е. уже известным нам способом деятельности с этим объектом, потенциально «многопредметен», т. е. может выступать разными перечисленными выше **«предметами»**. Иными словами, любой объект, попавший в орбиту нашей деятельности, раскрывается как определенный «предмет» только в нашей конкретной деятельности с ним: все определяется тем, какая деятельность имеет место, как она связана с соответствующей потребностью, вызвавшей к жизни этот «предмет». В этом смысле, подчеркнем (только в этом смысле): можно утверждать, что объективная действительность «беспредметна». Ее «опредмечивание» есть процесс и результаты нашей практической деятельности, деятельности субъекта, создающего «предметный» мир. Казалось бы, вполне понятная мысль, но сколько копий было сломано и продолжает ломаться в процессе различных методологических дискуссий, суть которых — игнорирование творческой основы совместной деятельности ее практических участников.

Необходимо постоянно учитывать методологические «рифмы» различения «предмета» и «объекта». Для обыденного сознания такое различие несвойственно. Так, используя термин «объект», человек может иметь в виду наблюдаемый объект или «пред-

мет» (в том бытовом смысле, в каком он понимается в обыденной жизни), что подразумевает определенный способ деятельности с объектом как с фрагментом объективной действительности, способ, который тем самым «конституирует» этот объект уже как определенный **эмпирический объект**.

Для науки же любой объект — универсум возможных «предметов», которые вначале выступают как возможные предметы исследования, открывающие ту или иную сущность исследуемого объекта, который для всех «неучастников» научной деятельности выступает эмпирическим объектом, т. е. вполне понятным «предметом». Британский ученый А. Флеминг, обнаруживший обычную плесень в чашке Петри, из-за которой погибли бактерии, необходимые ему для опытов, стал Нобелевским лауреатом благодаря открытию пенициллина, который стал средством, спасшим миллионы жизней, погибающих от бактериальной инфекции. Как писал Л.С. Выготский, «...каждую вещь можно рассматривать как микрокосм, как всеобщую меру, в которой отражен весь большой мир. На этом основании они (методологи. — Н.Н.) говорят, что изучить до конца, исчерпать одну какую-нибудь вещь, один предмет, одно явление — значит познать весь мир во всех его связях» [4, т. 1, с. 403].

Поэтому любой эмпирический объект (с методологической точки зрения) необходимо рассматривать как фрагмент объективной действительности, как некое «нечто», содержащее «в себе» универсум скрытых от нас сущностей, одна из которых может заинтересовать исследователя с позиции той науки, которую он представляет.

К сожалению, в традиционном научном сознании гораздо шире распространено представление об ином соотношении объекта и предмета, появившееся еще в марксистской философии (В.И. Ленин) и надолго закрепившееся в отечественной науке. Согласно этому представлению различные науки могут выделять в одном и том же эмпирическом объекте, т. е. в «предмете», разные стороны (аспекты, функции), делая их предметами своего исследования. В качестве иллюстрации этого взгляда обычно использовался пример со стаканом, предложенный в свое время В.И. Лениным. Рассуждая, авторы, использовавшие этот пример, показывали, что стакан может выступать и вазой для цветов, и подставкой для карандашей, и держателем для бумаги, и метательным снарядом и пр. Наиболее четко эту позицию еще в 60-е годы сформулировал П.Я. Гальперин [5], а вслед за ним эту же мысль воспроизводили и другие авторы [10; 20].

Однако, опираясь на приведенный выше пример со «смартфоном», следует внести определенную и весьма существенную корректировку в эту позицию: не «стакан» имеет некие стороны, а скрытый за ним объект, выступающий для нас **«стаканом»**, но рассмотренный как фрагмент объективной действительности, может обладать некими свойствами, которые при их использовании теми или иными способами могут выступать разными «предметами», так сказать, принимать разные «обличья». Поэтому то, что в эмпирическом, бытовом отношении воспринимается

как разные функции («аспекты», «стороны») используемого в деятельности бытового предмета, ставшего тем самым «новым» средством нашей деятельности, с методологической точки зрения означает, что в действительности любой «предмет» есть всегда общественно выработанная в ходе развития деятельности форма использования объективно, независимо от нашего сознания существующих фрагментов объективной действительности. Они определяют деятельность человека своими свойствами, которым он подчиняется, но которыми он овладевает как сторона взаимодействия.

Будучи субъектом деятельности и одновременно объективно существующим фрагментом объективной действительности, постоянно находящимся — независимо от своего сознания — в различных формах взаимодействия с условиями своего объективного бытия, человек обладает возможностями активно использовать эти независимо от него существующие свойства объективной действительности в качестве средств и орудий своей деятельности, превращая их из объектов потребления в «предметы» своих потребностей, которыми они выступают как таковые только благодаря определенным способам деятельности, «опредмечивающим» его потребности [1; 10; 11]. Как отмечал К. Маркс, «Предмет как бытие для человека, как предметное бытие человека есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» [14, т. 2, с. 47].

Поэтому объективно существует психологическое различие между представлением выявленного предмета в форме «предмета» в совместной практико-ориентированной деятельности и его «научным» отображением: **ВЫЯВЛЕННЫЕ** в процессе орудийных действий свойства объективной действительности всегда раскрываются с точки зрения тех задач совместной деятельности, для которых объективистки «точное», характерное для научной деятельности понимание «знаемых» свойств изучаемого «объекта» выступает лишь как одна из возможных и отнюдь не всегда значимых задач. Субъект — в своем «практическом» сознании — всегда выражает явленную ему «предметную» действительность «пристрастно», определенным образом со-общая о вещах, обеспечивая не только и не столько определенное понимание этих вещей, сколько определенное отношение к ним.

Общее понимание деятельностной природы дифференциации объекта как фрагмента объективной действительности и «предмета» как способа действия в объективной действительности, практического использования любого объекта в системе совместной всегда практико-ориентированной деятельности человека, выступает с этой точки зрения важнейшей психологической характеристикой сущностных сил самого человека, которую раскрыл еще К. Маркс. «История промышленности и сложившееся **предметное** бытие промышленности, — отмечал К. Маркс еще на ранней стадии формирования своей концепции человека как общественного индивида, — являются раскрытой книгой челове-

ских сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека... Такая психология, для которой эта книга, то есть как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой (курсив К. Маркса. — *Н.Н.*)». [13, с. 594–595].

Отмечу, что все ведущие отечественные психологи, включая и Л.С. Выготского, и С.Р. Рубинштейна, и А.Н. Леонтьева, не говоря уже об их учениках и последователях, систематически воспроизводили эту мысль К. Маркса, содержание которой имеет ключевое значение для психологии, базирующейся на методологии деятельностного подхода. Но при этом многие из них систематически смешивали понятия объекта (как фрагмента объективной действительности) и «предмета» (как способа деятельности человека, осваивающего эту объективную действительность, существующую независимо от его сознания).

Объемы этой статьи не позволяют в деталях представить варианты такого смешения, поэтому ограничусь лишь одним, но весьма показательным примером из работы П.Я. Гальперина «Проблемы деятельности в советской психологии» [6, с. 281–300]. Цитирую: «В самом деле, взятое по своему объективному содержанию, оно (предметное содержание. — *Н.Н.*) действительно не принадлежит психологии: внешнее «предметное» содержание деятельности — материальное воздействие на материальный объект и его последовательные преобразования — какая же это психология? Конечно, само по себе это нечто «предметное», а не «психическое», это не психология!» [6, с. 291].

Причина такого смешения понятий «объективного» и «предметного» заключается в том, что оба этих понятия — и понятие «объективного», и понятие «предметного» — трактуются настолько расширительно, что в понятие «объективная действительность», т. е. того, что существует независимо от нашего сознания, включается все, что существует помимо освоенного нами конкретного фрагмента объективной действительности, де-факто, ставшего «предметным» элементом нашего субъективного мира. И поэтому закономерно, что с подобной точки зрения аналогичный субъективный мир другого субъекта неожиданно становится «объективным миром», причем только потому, что он существует вне и помимо «нашего» сознания, что собственно и порождает все методологические коллизии идеализма, и прежде всего субъективного идеализма, для которого существует только мир его сознания. Эти коллизии в свое время были детальнейшим образом проанализированы Э.В. Ильенковым в его многочисленных работах по проблемам «идеального». Противоядием от подобного отождествления «объективного» и «предметного» для меня стал 1-й Тезис К. Маркса о Фейербахе, в котором предельно точно сформулирован принцип их различия: «Главный недостаток всего предшествующего материализма, — включая и феербаховский, — заключается в том, что пред-

мет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. ...Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самоё человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность (выделено автором. — Н.Н.)» [14, т. 3, с. 2].

Поэтому любой «предмет», как элемент или компонент нашего поля действия [5], открывающегося в образе мира [11], — это всегда тот или иной *способ* деятельности с объектом, удовлетворяющим своими свойствами ту или иную конкретную *потребность*, способ, позволивший когда-то — путем трансформации тех или иных фрагментов объективной действительности — ОБРАЗОВАТЬ новые для нас «предметы», *выявив* тем самым ранее скрытые *свойства* объективной действительности, ставшие предметами исследования, результаты которого открывают новые возможности дальнейшего преОБРАЗОВАНИЯ объективной действительности в новые «предметы» наших *потребностей*. «Глаз стал человеческим глазом точно так же, как его объект стал общественным, человеческим объектом, *созданным человеком для человека*... Поэтому чувства непосредственно в своей практике стали *теоретиками*. Они имеют отношение к вещи ради вещи, но сама эта вещь есть *предметное человеческое отношение к самой себе и к человеку, и наоборот*» [13, с. 592].

Объективная действительность всегда дана человеку в определенной «предметной» форме — в форме тех или иных «вещей», служащих для удовлетворения определенных потребностей: «Это стул — на нем сидят, а это стол — за ним едят», — говорит своим гостям героиня «Кошкиного дома», тем самым подчеркивая деятельность сущность любого «предмета». Объект как фрагмент объективного мира, как некий универсум различных свойств благодаря различным «предметно» ориентированным и *предметно* специализированным способам нашей деятельности с теми или иными фрагментами объективной действительности всегда выступает конкретным «предметом», призванным удовлетворять конкретную «опредмеченную» потребность. Однако за его ПОЯВЛЕНИЕМ в мире человеческой деятельности всегда стоит конкретный способ деятельности, который выработан и, можно сказать, «кодифицирован» в системе деятельности по характеристикам его использования.

Носителем такого способа является старшее поколение, которое в системе совместной деятельности с младшим поколением «передает» его, т. е. создает необходимые условия, включая и средства деятельности, чтобы этот способ, как социальная эстафета, стал достоянием каждого нового кандидата в люди. Это, зачастую, создает иллюзию, что данный способ принадлежит самому предмету, выступающему в качестве средства и/или орудия деятельности. Подобной иллюзии придерживался и мой учитель П.Я. Гальперин, неоднократно утверждавший, что именно орудие есть носитель спосо-

ба его употребления, и А.Н. Леонтьев, думавший аналогично. С теоретической точки зрения данный взгляд был преодолен лишь в начале 70-х годов еще одним из участников харьковской группы учеников и последователей Л.С. Выготского, Д.Б. Элькониным. Об этом свидетельствует запись, сделанная им в своем дневнике, к сожалению, отсутствующая в его основных публикациях того времени: «Даже теория поэтапного формирования умственных действий не лишена элементов натурализма. Я прав в том, что на предмете не написан человеческий способ его употребления. Он известен только обществу, т. е. человеку как носителю способа» [21, с. 502].

Именно способы деятельности общественного индивида с тем или иным фрагментом объективной действительности, включенным в ареал совместной предметной деятельности, преОБРАЗУЮТ эти фрагменты в качестве компонентов уже «предметной» действительности нашей деятельности.

В исследовательской сфере, в сфере технологии способ деятельности предстает как *метод*. Таким образом, посредством различных способов деятельности (методов и методик, будь то исследование микромира посредством адронного коллайдера или варка борща по новому рецепту, рекомендованному в телепередаче о вкусной и здоровой пище), которые создает/находит/осваивает/реализует человек; он тем самым конституирует свой «предметный» мир. Творческий человек — это тот, кто умеет «перепредметить» окружающий его мир «предметной» действительности, используя иные, ранее неизвестные способы деятельности для появления новых «предметов» как элементов культурного поля человечества, или применяя старый метод к ранее неизвестным объектам своей деятельности.

Поэтому следует различать *предмет исследования*, который необходимо выявить в ходе исследования и «предмет» как тот *эмпирический объект* (или явление), с которым мы имеем дело в нашей практической деятельности. Их «смешение» чревато провалами в исследовании, которые «сводят на нет» все наши усилия, не говоря уже о средствах, зря затраченных на его проведение. Как отмечал Ф. Энгельс, «Это старая история. Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями» [14, т. 20, с. 550].

В первом случае речь идет о психологическом результате целесообразного орудийного воздействия субъекта на определенный фрагмент объективной действительности (объект), благодаря чему данный психологический результат и выступает очередной «предметно-специализированной» абстракцией реального способа действия с объектом этой деятельности. В этой абстракции резюмируются психологические следствия взаимодействия субъекта с объективным миром, а в нашем «бытовом» сознании

эта абстракция «субстантивируется» в виде эмпирического объекта.

В свое время К. Маркс в рамках разработки экономической теории, на которую систематически ссылался в своих работах Л.С. Выготский [4, т. 1, с. 291–436; 7], использовал термин «объективная мыслительная форма». Посредством этого термина К. Маркс фиксировал «чувственно-сверхчувственный» или общественный характер результатов любой формы совместной деятельности, осуществляемой в системе общественного производства. [14, т. 23, с. 86]. К сожалению, этот термин не укоренен в нашей психологической литературе, хотя именно он играет важную роль в работах Э.В. Ильенкова по проблемам идеального и в анализе сознания в работах М.К. Мамардашвили, так как наиболее точно фиксирует психологическое содержание понятия «предмет», которое я — уже как термин — оформляю кавычками, чтобы «отключить» у читателя его житейскую трактовку, возникающую при употреблении этого термина в быту и часто некритически используемую в научных текстах.

Действительный же *предмет исследования* — это всегда лишь гипотетически предполагаемые, но скрытые от исследователя свойства или характеристики объективной действительности, фрагмент которой фактически должен рассматриваться как объект исследовательской деятельности. Поэтому, как не раз, ссылаясь на Гете, подчеркивал Л.С. Выготский, при организации психологического исследования важно уметь «проблему сделать постулатом» [4; 7]. Постулируемое таким образом предположение начинает служить важнейшим критерием отбора соответствующих его теоретически предсказываемой сущности методик исследования, посредством которых практически преобразуется исследуемая объективная действительность. «Обратный» ход мысли, когда «постулат делается проблемой», позволяет критически анализировать сложившиеся представления о сущности исследуемого предмета, которые — в силу результатов ранее осуществленного практического взаимодействия с объективной действительностью и опыта экспериментальных и теоретических исследований — выступают перед нами эмпирическими объектами или «предметами», т. е. «объективными мыслительными формами», теми социальными фильтрами, через которые для нас предстает объективный мир, стыдливо обозначаемый в некоторых исследованиях как «психологическая реальность». Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть оглавление любого учебника психологии. В них «сосуществуют» и расположенные рядом друг с другом, и «отделенные» друг от друга сотнями страниц десятки «психических» процессов (различные виды восприятия и памяти, мышления и воображения, и т. д., и т. п.), которые выступают как активные агенты собственных «психических» действий, сотни «психических свойств» и «психических состояний», активно влияющих на поведение, и т. п.

Определенное теоретическое подтверждение обоснованности моего критического отношения к подоб-

ной номенклатуре я недавно нашел в книге «Бытие и сознание» С.Л. Рубинштейна [18]. На 279 странице этой книги можно обнаружить примечание, которое в свое время сделал С.Л. Рубинштейн: «Нужно вообще сказать, что функциональное построение психологии искусственно разрывает и разносит по разным рубрикам (восприятие, память и т. п.) явления, по существу совершенно однородные, выражающие одни и те же психологические закономерности. Необходима коренная перестройка и в этом отношении (подчеркнуто С.Л. Рубинштейном. — *Н.Н.*). В дальнейшем основная часть психологии должна будет строиться как система закономерностей, общих для явлений, относимых к разным функциям, к разным процессам» [18, с. 279].

Поэтому необходимо постоянно учитывать, что в любом подобном «предмете», как результате нашего взаимодействия с объективной действительностью, возникшем в процессе деятельности человека, всегда проступает некое *ничто*, т. е. то, что лишь предстоит, причем только в возможности, выявить в ходе развития совместной деятельности. И лишь в том случае, когда объективная действительность ответит нам «взаимностью», т. е. когда нам удастся «опредметить» исследуемые нами свойства и «включить» их в систему понятий об этих свойствах. Закономерен поэтому постоянный интерес Л.С. Выготского к проблеме генезиса понятий и соотношения «житейских» и «научных» понятий [4, т. 2, с. 118–294].

Поэтому в контексте деятельности, направленной на эмпирически существующий объект, его «фантомные» по сути свойства и характеристики, являющиеся «продуктами» нашей деятельности, которые мы «приписываем» объективной действительности, могут рассматриваться как предмет описания, но не как *предмет исследования*. Вот почему методологическое различие *предмета* — как свойств объективной действительности и *«предмета»* — как наших сложившихся представлений о действительности, является центральным при организации любого исследования, в том числе психологического.

3

Дальнейшее раскрытие содержания указанной выше проблемы соотношения *«объекта»* и *«предмета»* исследования непосредственно связано с анализом соотношения категорий *явления* и *сущности*. Подчеркнем еще раз нашу позицию: отношение явления и сущности имеет деятельностную природу: новый «предмет» — как общественное резюме нашей совместной деятельности — появляется как закономерный результат целенаправленной деятельности человека с объектом, выступающим «понятным» перед нами явлением, но суть или сущность которого еще скрыта и ее лишь предстоит узнать, сделать достоянием нашей практической деятельности и нашего сознания — как психологической формы этой деятельности. Именно это еще в ранний период своего творчества «предчувствовал» Л.С. Выготский и

позднее попытался выразить это «предчувствие» в своей концепции смыслового строения сознания, составляющей сущность культурно-исторической теории как «неклассической» психологии.

Характеристика любых явлений — это то, с чего начиналась всякая наука, в том числе и психология, которая, как и любая наука, начинает с описания того содержания, которое предстает в явлении, пополняя тем самым феноменологию психологии. Всякое явление — как наш «субъективный образ объективной действительности» — есть лишь феноменологическая по своей психологической сущности манифестация того, что скрыто за этим явлением, т. е. тех свойств объективной действительности, которые «явились» нам в определенной, специально или случайно возникшей проблемной ситуации, требующей своего решения. Стоит «сменить угол зрения» — и перед нами иное явление. Доброта и чуткость или же притворство и лицемерие? Правда ли, что за этими явлениями стоит одна и та же сущность и/или все зависит от нашего взгляда на объект нашей деятельности, всегда выступающий тем или иным «предметом»?

Как отмечал Л.С. Выготский, цитируя Г. Мюнстерберга, «...ни одно аномальное переживание не может само по себе служить доказательством того, что требуется психологическое, а не физиологическое объяснение. Это философский вопрос, который должен быть решен теоретически, прежде чем мы можем приняться за объяснение специальных фактов» [4, т. 1, с. 132].

Специфика представления, выявленного в ходе деятельности объективного содержания, являющегося перед нами в форме «предмета» нашей совместной, всегда практически ориентированной деятельности, — по сравнению с его «научным» отображением, — заключается в том, что посредством коммуникации **ВЫЯВЛЕННЫЕ** свойства объективной действительности всегда раскрываются с точки зрения тех задач совместной деятельности, для которых объективистки «точное» понимание «знаемых» свойств изучаемого «объекта» выступает лишь как одна из возможных и отнюдь не всегда значимых задач. Субъект — в своем «практическом» сознании — всегда выражает явленную ему «предметную» действительность «пристрастно», определенным образом со-общая о вещах, обеспечивая не только и не столько определенное *понимание* этих вещей, сколько определенное *отношение* к ним. Таким образом, речь идет о стремлении к тому, чтобы за явлениями «поймать» сущность.

Все серьезные философы, начиная с Платона, пытались раскрыть сложность этой взаимосвязи, подчеркивая ее диалектичность: «сущность является, явление существенно» — хрестоматийная фраза, выписанная в свое время В.И. Лениным из конспекта «Лекций по истории философии» Гегеля [9, т. 29, с. 227]. Но каждое явление выступает как потенциальный представитель объективного мира в целом, в ходе всегда «частичного» исследования которого **ПОЯВЛЯЕТСЯ** много разных «предметов». Как отмечал Л.С. Выготский, «Всякое конкретное явление совершенно неисчерпаемо и бесконечно по своим отдельным признакам; надо всегда искать

в явлении то, что делает его научным фактом. Это именно отличает наблюдение солнечного затмения астрономом от наблюдения этого же явления просто любопытным. Первый выделяет в явлении то, что делает его астрономическим фактом; второй наблюдает случайные, попадающие в поле его внимания признаки» [4, т. 1, с. 298]. Эта мысль Л.С. Выготского является развитием методологического положения, принадлежащего К. Марксу, отмечавшему, что «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [14, т. 25, ч. 2, с. 384].

Представим, что в качестве эмпирического объекта (объекта наблюдения) выбран конкретный человек. Существует немало определений того, что такое «человек», в каждом из которых фиксируются те или иные эмпирически выявленные свойства того фрагмента объективной действительности, который выступил перед нами как «человек» — его в конкретной ситуации можно рассматривать с разных позиций: «мужчина», «взрослый», «покупатель», «пешеход», «спортсмен» и т. д. Все эти перечисленные проявления — разные «предметные» версии эмпирического объекта, сущность которого — человек. Но невольно вспоминаются хрестоматийные слова К. Маркса из знаменитых Тезисов о Фейербахе: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [14, т. 3, с. 4].

Поэтому неслучайно в одной из важнейших своих работ, написанных в этот период научной деятельности — «Исторический смысл психологического кризиса», Л.С. Выготский отмечал: «В этом смысле можно сказать, что каждый человек есть в той или иной степени мера того общества или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений» [4, т. 1, с. 403].

Мы же определяем эту сущность, опираясь на свое обыденное сознание. Именно на таких «предметных» различиях и строятся различия профессиональных взглядов и позиций. Врач видит человека с точки зрения его анатомио-физиологического строения и психофизиологического состояния; для биохимика человек — это конгломерат органических процессов; для психолога человек — субъект, обладающий теми или иными способностями и реализующий себя в системе тех или иных социальных отношений.

К сожалению, фундаментальное определение человека, представленное у Л.С. Выготского вслед за К. Марксом, не служит для нас ориентиром в организации наших эмпирических, по сути, исследований человека: достаточно критически проанализировать те опросники, которыми уже столетиями пользуются психологи, изучая «способности», «характер», «личность в целом», ее «мотивацию» и т. п. — понятия, которые выступают в роли так называемых «зонтичных» терминов, скрывающих отсутствие собственно понятийного содержания. Очевидно, что этот список можно продолжить. Вероятно, для инопланетян этот объект не «задан» изначально как «человек», и они могут «опредметить» его по-своему.

При этом каждый человек един во многих проявлениях; это связано с многомерностью мира, что порой мешает в обыденной жизни. Наука же должна исходить из того, что каждое предметно специфическое проявление — абстракция, учитывающая лишь определенные характеристики данного человека.

Итак, мы наблюдаем объекты, но они благодаря нашей деятельности выступают перед нами как «предметы». И задача исследователя состоит в том, чтобы преодолеть соответствующие представления и разобраться со скрытой их сущностью, которая выступает в этих явлениях, для того, чтобы возникло новое понимание интересующего нас явления, чтобы это явление в нашем новом понимании, возможно, стало другим.

Именно это, также вслед за К. Марксом, формулировал П.Я. Гальперин: «Наука изучает, собственно, не явления, а то, что лежит за ними и производит их, что составляет «сущность» этих явлений, — их механизмы» [5, с. 46].

Есть еще одно психологическое измерение в анализе проблемы явления и сущности — соотношение «видимости» и «действительности». Речь идет о том, как человек воспринимает объективную действительность, взаимодействуя с ней. Большой спектр примеров дают т.н. зрительные иллюзии, например, иллюзия Понцо с изображением железнодорожных путей, как бы уходящих в перспективу; причем для зрителя «очевидно», что размер поперечных «шпал» уменьшается по мере их удаления, хотя теоретически мы понимаем, что их размер одинаков. И если в изображении нарушается логика перспективы, то мы видим, что «дальний» элемент изображения оценивается как больший. Эффект подобных иллюзий связан с тем, что человек опирается не на результаты так называемого «объективного» измерения, проводимого с помощью соответствующих средств, которое, по сути, тоже «субъектно», так как это измерение осуществляет субъект, а на то, что он «как бы» видит, делая, тем самым, ложные умозаключения на основе своего

прежнего опыта оценки пространственных элементов «зрительного» поля — в рамках принятого образа жизни и культурного контекста. Неслучайно замечательный психофизиолог и офтальмолог 19-го века Г. Гельмгольц говорил, что «механизмом» возникновения подобных искажений зрительного поля являются не особенности нашего восприятия, а так называемые «бессознательные умозаключения».

Таким образом, проблема видимости и действительности состоит с тем, что представления разных людей об одном и том же могут не совпадать. Объективный мир существует независимо от нашего его осознания, но, благодаря его осознанию нами, он выступает для нас как наш субъективный мир. Следовательно, необходимо помнить, что наши субъективные представления есть лишь картина нашего достигнутого на сегодня понимания этого объективного мира, понимания несвободного от ошибок и иллюзий нашего «восприятия» объективной действительности.

Наиболее ярким примером подобной иллюзии является ежедневно наблюдаемое человеком как бы «природное» явление: восход и заход Солнца. Здесь, казалось бы, известная нам сущность процесса (Земля вращается вокруг своей оси, а не Солнце вращается вокруг Земли), но это «знание» не меняет нашего восприятия этого «астрономического» явления, так как психологически мы имеем дело с «видимостью», а не с действительностью. Мы по-прежнему «видим», что «движется» Солнце, а не «вертится» Земля. Более того, как показал опрос ВЦИОМ многочисленной аудитории более 30% опрошенных считают, что это действительно так, и верят в это [19].

Мы все время интерпретируем видимый мир — через систему сложившихся в нашей деятельности стереотипов, различных установок, системы ценностей и т. п. — всего того, что становится предметом для психологического исследования.

Вот пример подобной задачи, которая решалась в ходе эксперимента, проведенного под моим руководством [22]. В хаотичном наборе пятен (рис. 1)

Рис. 1

испытуемые должны были «увидеть» корову, но для подавляющего большинства это оказывается невыполнимой задачей. Сам процесс эксперимента состоит в предъявлении изображений реальных коров. После каждого предъявления очередного реалистичного изображения испытуемым вновь предъявлялось первое изображение. И для ряда испытуемых этого было достаточно, чтобы они начинали «видеть» изображение головы коровы в первом изображении. Отметим, что это всегда происходило в форме «инсайта» — как неожиданное для самих испытуемых «появление» этой головы. Постепенно после предъявления очередных реалистичных изображений разных коров число испытуемых, вдруг «увидевших» корову в первом изображении, увеличивалось. Но для некоторых испытуемых такое «появление» коровы происходило лишь в результате визуальной материализации контура головы данного животного на первом рисунке (рис. 2) — его ПОЯВЛЕНИЯ на фоне пятен, которое оставалось устойчивыми после того как эта «материализация» исчезала. Отсроченная на несколько месяцев проверка результатов эксперимента показала устойчивость возникшего феномена. Фактически у испытуемых произошло переструктурирование «видимого» мира: сформировался активный процесс «усмотрения» испытуемыми заданного изображения. Этот эксперимент показывает, что наш «видимый мир» есть результат становления определенных представлений о мире, возникающих благодаря нашей деятельности в объективной действительности. Мы должны все время учитывать, что мы видим объективный мир через его образ — как «явление объекта субъекту» — образ мира [11]. Видимость (как «объективная мыслительная форма») и действительность *никогда* не совпадают и по определению не могут совпасть. В этой констатации — суть методологического положения о различии абсолютной и относительной истины,

являющегося «сердцевиной» теории познания, в качестве основы которой должна рассматриваться научная психология, раскрывающая психологические закономерности становления и развития совместной деятельности человека.

В целом, процесс *перепредмечивания*, который происходит в подобных случаях, всегда выступает как творческий процесс преОБРАЗования фрагментов мозаики, через которую мы «видим» объективную действительность, выступающую для нас в образе поля нашего возможного действия. [2; 5]. Все мы, всегда имея дело с объективной действительностью, фиксируем результаты своей деятельности в этой действительности лишь в виде ее явлений — условий и результатов наших предметно ориентированных действий. Выявляя скрытые в явлениях сущности, мы создаем условия для развития нашей деятельности в объективной действительности. За каждым фрагментом мозаики видимого мира скрыта универсальность объективной действительности. В рассматриваемом нами случае любое нечто — это не просто явление, но и скрытая за ним «сущность», которая может стать и образом, и представлением субъекта о действительности. Следовательно, мы вновь приходим к тому выводу, что каждый объект нашей деятельности — это «универсум» с многообразными свойствами, отсюда многообразие возможных явлений одной и той же сущности.

Применительно к научному исследованию возникает парадоксальная проблема: как исследовать «нечто», сущность которого еще должна быть выявлена в ходе его исследования, но нам она дана лишь в форме «предмета», результата нашей деятельности с объектом, который представляет это «неуловленное нечто», а не предмет исследования? Ответить на этот совсем не риторический вопрос можно, лишь заняв определенную методологическую позицию.

Рис. 2

Литература

1. Асмолов А.Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 14–27.
2. Бородай Ю.М. Воображение и теория познания: критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения. М.: Высшая школа, 1966. 150 с.
3. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2005. С. 1020–1038.
4. Выготский. Собрание сочинений: в 6 т., М.: «Педагогика», 1982–1984 гг.
5. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Московского университета, 1976. 150 с.
6. Гальперин П.Я. Психология: предмет и метод. Избранные психологические труды. М.: Изд-во Московского университета, 2023. 842 с.
7. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Е. Завершневой и Р. ван дер Веера. — М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
8. Корнилов К.Н. Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // Проблемы современной психологии: сб. статей сотрудников Московского государственного института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л., Ленгиз, 1926. 254 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. (+ 3 справочных тома). 5-е изд.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261
12. Леонтьев А.Н. Проблемы деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 109–120
13. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. 689 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 тт. 2-е изд. М.: Политиздат.
15. Нечаев Н.Н. А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин: диалог во времени // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 50–69.
16. Нечаев Н.Н. Психология: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЕК», 2014, 400 с.
17. Нечаев Н.Н. О возможности реинтеграции культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и теории деятельности А.Н. Леонтьева // Вопросы психологии. 2018. № 2. С. 3–18.
18. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
19. «Солнце спутник Земли», или рейтинг научных заблуждений россиян [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск № 1684 08.02.2011. URL: www.wciom.ru (дата обращения: 22.12.2023).
20. Смирнов С.Д. Соотношение понятия «деятельность» и «общение», или плюрализм vs. монизм // Материалы методологического семинара по проблемам деятельностного подхода в психологии. Семинар 28.09.10.2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials/28_smirnov.pdf (дата обращения: 22.12.2023).
21. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

References

1. Asmolov A.G. Osnovnye principy psikhologicheskogo analiza v teorii deyatel'nosti [Basic principles of psychological analysis in the theory of activity]. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*, 1982, no. 2, pp. 14–27. (In Russ.).
2. Borodai Yu.M. Voobrazhenie i teoriya poznaniya: kriticheskii ocherk kantovskogo ucheniya o produktivnoi sposobnosti voobrazheniya [Imagination and the theory of knowledge: a critical essay of Kant's teaching about the productive capacity of imagination]. Moscow: Higher school, 1966. 150 p. (In Russ.).
3. Vygotskij L.S. Konkretnaya psikhologiya cheloveka [Concrete human psychology]. In Vygotskij L.S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow: Sense; Eksmo, 2005, pp. 1020–1038. (In Russ.).
4. Vygotskij L.S. Sobr. soch. V 6-ti tt. [Vygotsky L.S. Collected works: in 6 vol.]. Moscow 1982–1984. (In Russ.).
5. Gal'perin P.Ya. Vvedenie v psihologiju [Galperin P.Ya. Introduction to psychology]. Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta. 1976. 150 p. (In Russ.).
6. Gal'perin P.Ya. Psihologiya: predmet i metod. Izbrannye psihologicheskie trudy. [Psychology: Subject and Method. Selected psychological works] Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta. 2023. 842 p. (In Russ.).
7. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [L.S. Vygotsky's Notebooks. Selected works]. Zavershneva E. (eds.). Moscow: Publ. "Kanon+" ROOI "Rehabilitation", 2017. 608 p. (In Russ.).
8. Kornilov K.N. Naivnyj i dialekticheskij materializm v ih otnoshenii k nauke o povedenii cheloveka. In Kornilov K.N. (ed.), *Problemy sovremennoj psikhologii*. sb. statej sotrudnikov Moskovskogo gosudarstvennogo instituta eksperimental'noj psikhologii [*Na ve and dialectical materialism as related to the science of human behavior*]. Leningrad, Lengiz, 1926. 254 p. (In Russ.).
9. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55-ti tomah, izdanie 5-e [Complete Collection of Works]. in 55 vols. (In Russ.).
10. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p. (In Russ.).
11. Leont'ev A.N. Obraz mira. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya. V 2 t. [Image of the world: Selected psychological works. In 2 vol.]. Moscow: Pedagogy, 1983. Vol. 2, pp. 251–261. (In Russ.).
12. Leont'ev A.N. Problema deyatel'nosti v istorii sovetskoj psikhologii. [Problems of activity in the history of soviet psychology]. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*, 1986, no. 4, pp. 109–120. (In Russ.).
13. Marks K., Jengel's F. Iz rannih proizvedenij. [Marx K., Engels F. From Early Works]. Moscow: Politizdat, 1956. 689 p. (In Russ.).
14. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. V 50 tt. In 50 volumes [Marx K. Engels F. Works]. Moscow: Politizdat, 2-nd ed. (In Russ.).
15. Nechaev N.N. A.N. Leont'ev i P.Ya. Gal'perin: dialog vo vremeni [A.N. Leontiev and P.Ya. Galperin: Dialogue through the Time]. *Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]*, 2003, no. 2, pp. 50–69. (In Russ.).
16. Nechaev N.N. Psikhologiya: Izbrannye psihologicheskie trudy [Psychology: Selected psychological works]. Moscow: Publ. "Institut prakticheskoy psikhologii", Voronezh: NPO "MODEK", 1998. 400 p. (In Russ.).
17. Nechaev N.N. O vozmozhnosti reintegracii kul'turno-istoricheskoy psikhologii L.S. Vygotskogo i teorii dejatel'nosti A.N. Leont'eva [On the possibilities of reintegration of

22. Nechaev N.N., Redkina E.A. Problem of Perceptual Image Formation / *Procedia – social and behavioral sciences*, 2013. Vol. 86. P. 271–276. DOI:10.1016/j.sbspro.2013.08.563

Vygotsky's cultural historic psychology and Leontiev's theory of activity]. *Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]*, 2018, no. 2, pp. 3–18 (In Russ.).

18. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. [Being and Conciusness]. Moscow: AN USSR Publishing House. Moscow, 1957. 328 p. (In Russ.).

19. “Solnce – sputnik Zemli”, ili rejting nauchnyh zabluzhdenij rossijan [Sun is an Earth satellite, or russian science delusions rating]. *Press-vypusk* № 1684 08.02.2011 www.wciom.ru. (In Russ.).

20. Smirnov S.D. Sootnoshenie ponjatija “dejatel'nost” i “obshhenie”, ili pljuralizm vs monizm [Relation of activity and communication concepts, or pluralism vs. monism]. *Materialy metodologicheskogo seminara po problemam dejatel'nostnogo podhoda v psikhologii [Materials of psychological seminar on the problems of activity approach]* Seminar No. 28. (In Russ.).

21. Jel'konin D.B. Izbrannye psihologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p. (In Russ.).

22. Nechaev N.N., Redkina E.A. Problem of Perceptual Image Formation. *Procedia – social and behavioral sciences*, 2013. Vol. 86, pp. 271–276. DOI:10.1016/j.sbspro.2013.08.563

Информация об авторе

Нечаев Николай Николаевич, действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, профессор Международной кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnechaev@gmail.com

Information about the author

Nikolay N. Nechaev, Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor UNESCO International Chair of Cultural-Historical Psychology of Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnechaev@gmail.com

Получена 05.08.2024

Received 05.08.2024

Принята в печать 10.08.2024

Accepted 10.08.2024